

Пильский П. Любовь Ольги Книппер // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 28 апреля. № 8125. С. 8.

Любовь Ольги Книппер

Москву Чехов любил. Почему-то особенно ему нравилась Петровка. В своем ялтинском одиночестве он мечтал о Кузнецком мосте, о снеге и московских людях. Обычно останавливался или в Большой Московской гостинице или в «Дрездене». Впоследствии эту привязанность укреплена, разнежил, сделал еще страстней МХТ. С ним Чехова связывали многие, видимые и невидимые нити. В письмах О. Л. Книппер к Чехову эта сторона освещается новым светом, находит много интересных отражений, невольно вызывает в памяти то, что так легко могло быть забыто: прошло 30 с лишним лет.

Книппер рассказывает, как в сентябре 1899 года, в первый день открытия кассы народ стоял с часу ночи, вытянувшись немощный хвост, ждали очереди 2500 человек, было продано 16 билетных тетрадей. На первое представление «Грозного» в кассе не было ни одного билета, все распродано заранее. Развато было все и на следующие три представления, и на «Чайку», и на «Царя Федора». На генеральную репетицию «Грозного», между прочим, пришел Шаляпин, и от восторга колотил в стену. Так проходила первая половина сезона.

Наступил новый год, — его встречали в театре: играли «Дядю Ваню». После 4-го действия, среди шумных аплодисментов, вдруг послышался голос, требовавший режиссера. Приказали не закрывать занавеса. Публика ожидала и тотчас же с первого яруса раздавалась взволнованная речь. Кто-то от лица всей московской публики, благодарил театр, принесла свое «глубочайшее спасибо» за все то, что было пережито в его стенах. Энтузиастка Москва так приветствовала иногда только Императорский Театр. Когда об этом напомнил оратор, из лож баль-этажа закричали: «Здесь лучше, здесь лучше!» Актеры стояли растерянные и сконфуженные: убогих эпизодов в театре еще не было. О. Л.—ну Книппер радуется, что все это было на ялтинской пьесе. — «Дядя Ваня». В тот вечер после 3-го акта актеров вызывали 15 раз.

В МХТ стало как бы непременным правилом, открывать сезон чеховской пьесой. Вся репутация театра зависела от того — даст ли Чехов новую пьесу или не даст. Станиславский так и говорил: «Будет пьеса, будет и сезон, не будет пьесы, — театр потеряет свой аромат». И директора и актеры настойчиво добивались от Чехова новых пьес, а когда Книппер возвращалась в Москву, ее жадно расспрашивали, готова ли пьеса, когда она будет прислана, жалели, что ее еще нет. Книппер разводила руками. Чехову писала: «Что разве я могу добиться твоей от Антона Чехова?»

Ни театр, ни она не преувеличивали значения и роли чеховского репертуара. «Твои пьесы имеют самый большой успех теперь, — писала ему Книппер, — публика их любит, артисты играют их лучше, чем в те (прежние) сезоны, играем с наслаждением, с радостью». Она рассказывала, как на днях играли «Дядю Ваню», после 4-го акта раздались оглушительные овации, но и третий прошел восторженно блестяще.

Те годы были прекрасной зарей МХТ, эпохой его побед и очарований. Кажется, не было в России театра, так властительно захватившего публику, как МХТ. Им жили, им бредили, на него молились, от него ждали откровений и чудес. В первый раз должны были идти «Три сестры». Конечно, билеты были давно раскуплены. У кассы плакали, раздавались стоны и жалобы, — немногим досталось счастье получить билет. Большой шум вызвал и сотый спектакль «Царя Федора Иоанновича». Гремели овации, было бесчисленное количество поднесенных. Артисты стояли «на выходе», Станиславский вел гусяра на Яузе, потом состоялись подношения, прислали множество адресов, среди них «От публики» с 9522 подписями. «Три сестры» были показаны уже к концу сезона, этой пьесой его и кончили. Ее успели дать только 7 раз, — конечно, все с аншлагами, в переполненном зале так, что были отведены даже

А. П. Чехов на Петровке и в «Дрездене». — Восторги публики на спектаклях МХТ. — Ялтинское одиночество писателя. — Чехов не любил ходить в гости. — Мечты о счастье.

все запасные места. В последний вечер «Три сестры» сопровождал настоящий триумф. Были цветочные подношения, после 4-го акта вышла вся группа, выкатили огромную корзину цветов от дирекции и раздавали актрисам. Публика сумасшествовала, актрисы рвали цветы и бросали в зал, в ушах звенело от криков и аплодисментов. При выходе публика жала руки, девушки целовали актрис, потом подхватили Книппер на руки и потащили по всему театру до самого выхода.

В МХТ Чехов был приманкой, любимцем, кумиром не только публики, но и артистов. За кулисами в шутку его называли «инспектором над актрисами». Окончательно закрепил симпатию Чехова к театру успех «Чайки». С тех пор он как бы отдался этому театру, хотел работать только для него, уговаривал других беллетристов писать пьесы для МХТ, — Леонида Андреева, Горького, Бальмонта, Куприна, Найденова. С «Чайкой» у Чехова должно было связаться и еще одно щемящее и светлое воспоминание: на репетиции этой пьесы в Охотничьем клубе состоялось его знакомство с Книппер: она исполнила в «Чайке» роль артистки Аркадиной.

Над пьесами приходилось работать долго, серьезно, даже мучительно. Трудно создавался и «Вишневый сад». Еще сложнее были вопросы его постановки: режиссеры с автором никак не могли понять друг друга. И Книппер он сообщает, что с писателем пьес никогда не спешит. «Три сестры» он хотел видеть позднее, отложить до следующего сезона, — все боялся, что выйдет неясно, бледно, что слишком много действующих лиц. Только своего «Иванова» он поставил у Корша тотчас же по написанию: остальные пьесы у него лежали подолгу, подвергались многим поправкам.

Казалось бы, в Ялте среди тишины, безлюдия, в одиночестве писательская работа Чехова должна была протекать легко и упорядоченно, — этого не было. Чехову мешали. До какой степени это было надоедливо, говорят его протестующие строки. Даже он деликатнейший человек, вынужден был сказать, что ему мешают «жестокое, скверно и подло». Книппер он писал, что «пьеса срывается в голове», уже выдвинулась, выровнялась и пролетела из бумаги, но едва за бумагу, как открывается дверь и вползает какое-нибудь дело». Чехову это было особенно тягостно. С годами он

становился все более и более замкнутым. Летом 1899 года стал строить собственный домик в Алушке. Тогда Чехов жил на Ялтинской набережной в гостинице «Марин», откуда ходил ежесуточно на постройку. Устал, никогда не думал о еде, его близкие знакомые Средины, где гостила тогда Книппер, зазывали его под разными предлогами, хотели наладить его нормальное питание. Это не удавалось. Чехов не любил ходить «в гости», избегал обедать у чужих, был в этом отношении неизвестен даже для тех, к кому относился с большой симпатией. У Средины бывали Горький, Найденов, Аренский, Васнецов, Ермолова. В то лето Чехова должна была туда особенно влечь к себе Книппер. Их роман только что зацветал.

Если прислушаться к тону всей этой переписки, невольно покажется, будто читаешь какое-то грустное стихотворение в прозе, где слезы, надежды, мечты и разлука. Эти ноты зазвучали с самого начала. Летом 1899 года из МХТ, где она отдыхала, Книппер пишет: «А я то думала, что писатель Чехов забыл об актрисе Книппер». Он ей отвечает: «Писатель Чехов не забыл актрисы Книппер». К нему она привязалась как-то быстро, легко и просто: «Мне так грустно было, когда вы уехали, так тяжело, что если бы не Вишневский, который провожал меня, то я бы редела всю дорогу».

Слезы стали частым спутником ее любви, раздумий и тоски. Осень 1900 г. Чехов прожил в Москве, поселился в «Дрездене», начались ежедневные встречи, потом вернулся в Ялту. «Зачем ты уехал, — пишет она ему вслед, — раз ты должен быть со мной». Я шла долго за поездом, точно не верила, и вдруг так заплакала, так заплакала, как не плакала уже много, много лет... Мне несколько не стыдно было моих слез». Будто сразу они привикли друг к другу. Это взаимное притяжение началось с первых же месяцев. «Я привык и теперь скучаю и никак не могу примириться с мыслью, что не увижу Вас до весны». Она отвечает: «А вы думаете, что я к вам не привыкла?». Потом: «Не знаю, сколько дала бы, чтобы вы были здесь, чтобы вы вообще не уезжали из Москвы. Ах, писатель, писатель, не забывайте меня ради Бога и любите меня хоть немножко, мне это надо». Разлука ее измучивает. Зима и театр утомляет. «Жду с нетерпением дня, когда мы увидимся». Она ревнует, ей чудится его охла-

ждение, она спрашивает его о любви, о его чувстве. Чехов успокаивает: «Я уже говорил тебе 10.000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е., что я тебя люблю и больше ничего». Иногда ей самой кажутся все эти признания, эти горячие и неударенные строки, повторенные одних и тех же слов чем-то наивным, — «пншу, как институтка».

Одиночествовал он, томилась и она. «Я оторван от почвы, — пишет он ей из Ялты, — не живу полной жизнью, не пью хотя люблю выпить, я люблю шум и не слышу его». Такие признания у него не часты, — но когда они появляются, его голос звучит по особому печально. Не исцеляет даже Ницца. «Я совершенно здоров, не кашляю, но скука ужасная. Скучно мне без Москвы, без тебя, собака ты такая!» Горько признаться и она, тоскует, зовет: «Как мне трудно быть с тобой врозь, точно отрезан кусок от меня». Потом: «Мне дико, страшно быть без тебя». Любящая женщина, она хочет жить хоть верой в будущее, хочет надеяться на успокоение и счастье: «Антон, мы будем жить?». У него эти мечты определенной, его скептицизм удовлетворился бы немногим: «Кумница ты моя; нам бы с тобой хоть пять годочек пожить, а там пускай снапает старость». В другом письме, поздравляя с новым 1901 годом, он желает ей счастья, покоя и «побольше любви, которая продолжалась бы подольше, этак лет 15». Он спрашивает: «Как ты думаешь, может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет». Она: «Ах, Антон, как

бы мне хотелось быть с тобой. Скажи мне, ведь, и мы пойдем кусочек жизни?» Мечтания переносят ее в тишь, ей хотелось бы пожить с ним вдвоем, проехаться за границу, — «хорошо бы нам было лето провести в тихом уголке где-нибудь в Швейцарии. а?» Еще: «Пожить бы с тобой полной, полной хорошей жизнью. Милый мой, родной мой, хороший мой». Уже выйдя замуж, она рассказывает, как из вагонного окна смотрела в лунную ночь на белую тропинку, как думала «о нашей любви», — «хочу, чтобы она росла и заполнила и твою и мою жизнь». Эти слова, признания, мечты могли быть рождены только искренней, только глубокой любовью.

Чехов вошел в жизнь Книппер, как самое крупное явление, представлявшееся ей глазам, уму и сердцу. Все сразу отодвинулось в тень, — осталась только еще одна привязанность: театр. С ним расстаться было трудно, даже невозможно. Ради сцены Книппер пришлось много бороться, — и в семье, и потом с самой судьбой, когда уже принятая в школу Малого театра, она вынуждена была уступить свое место другой ученице с чьей-то сильной протекцией.

Все-ж О. Л. Книппер готова была расстаться и с театром, покинуть сцену, остаться только женой любимого человека. Этого не хотел он, этого не допускали директора МХТ. Книппер стала связующим звеном между театром и его знаменем и душой, — Чеховым. Уйти из театра, значило бы обеднить не только свою жизнь, но что-то украсть и у самого Чехова. Любимая женщина для него сливалась с любимым театром, и они тоже сливались его большой и верной любовью. Ее привязывали муж и театр, ему были нужны и дороги жена и общий друг — театр.

Петр Пильский.